

Состояние «civil society» в России: общая оценка в разрезе политической субъектности (политические и экономические аспекты)

В статье рассматривается состояние «civil society» в России. Цель исследования заключается в оценке субъектности «институтов гражданского общества» в России как акторов политической трансформации. Гипотеза исследования: в моноцентрических полициях институты гражданского общества не обладают субъектностью, а их функционирование подчинено интересам суверена, в силу чего они не способны выступать стимуляторами трансформационного процесса. Ценность исследования заключается в систематизации отдельных фрагментов анализа субъектности «civil society» в России и имеет перспективу для дальнейшего изучения по мере функционирования российской политики. Исследование строится на принципе объективности, что расходится с принятым в России подходом к оценке civil society. В исследовании доминирует неинституциональный подход. При подготовке статьи использовались диалектический, логический формально-правовой, социологический методы исследования, а также метод статистического анализа. Гипотеза подтверждена.

Ключевые слова: моноцентризм, гражданское общество, местное самоуправление, политические партии, общественные и религиозные объединения, недоинституционализация, сервильность.

Институты гражданского общества в России находятся *in nuce*, не обладают собственными политическими проектами и стратегиями, зависимы от суверена и его «учреждений», то есть недоинституционализированы. Прежде чем раскрыть данный априорный тезис, необходимо сделать некоторые замечания к материалу статьи.

В излагаемом материале:

1. Критерием субъектности *civil society* является наличие у последнего собственного политического проекта, политических, экономических, социальных возможностей для его реализации.

2. Термины «государство» и «civil society» используются в кавычках, объективно представляя собой, в первом случае, персонифицированного лидера, суверена или «государство» (по терминологии проф. Н. М. Казанцева); во втором – подданническое общество. В ряде случаев термин «государство» используется в широко используемой трактовке, включая как собственно государство, так и бюрократический аппарат.

3. Экспериментальным регионом была Амурская область (Россия). Массовые опросы проводились в мае 2015-го (первая волна, опрошено 306 респондентов) и в апреле 2016 г. (вторая волна, опрошено 290 респондентов). Выборка респондентов свободная. Статистическая погрешность не более 3 %.

1. Органы местного самоуправления

Органы местного самоуправления на стадии воспроизводства становятся «государственными» сателлитами, осуществляющими контроль за реализацией интересов суверена на муниципальном уровне. Об их положении в российской политике и низкой роли в политическом процессе свидетельствует как механизм формирования [30], так и уровень доверия к ним со стороны населения. Так, по сумме двух исследований в экспериментальном регионе (май, 2015; апрель, 2016) в среднем доверие к главе органа местного самоуправления составляет 3,41 балла из 10 возможных, к депутатам органа местного самоуправления – 3,18 балла (см. табл. 1). Данные показатели являются самыми низкими из перечня основных акторов политического процесса, вошедших в выборку.

Таблица 1

**В какой мере Вы доверяете перечисленным политическим акторам?
(Расставьте баллы от 0 до 10 (май, 2015; апрель, 2016))**

№ п/п	Политический актор, институт, сообщество ...	Средняя сумма баллов от 0 до 10		
		май, 2015	апрель, 2016	«-»
1	2	3	4	5
1	Президенту РФ	8,08	6,30	-1,78
2	Членам Правительства РФ	5,15	4,22	-0,93
3	Членам Совета Федерации РФ	4,60	3,85	-0,75
4	Депутатам Государственной Думы РФ	3,74	3,29	-0,45
5	Судьям Конституционного Суда РФ	5,64	4,50	-1,14
6	Судьям Верховного Суда РФ	5,12	4,71	-0,41
7	Работникам Генеральной прокуратуры РФ	5,05	4,79	-0,26
8	Работникам Центральной избирательной комиссии РФ	4,08	3,59	-0,49
9	Главе субъекта РФ (губернатору)	4,15	3,54	0,61

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5
10	Правительству субъекта РФ	3,88	3,38	-0,5
11	Депутатам регионального парламента	3,77	3,05	-0,72
12	Судьям Верховного Суда РФ в субъекте РФ	4,92	3,89	-1,03
13	Работникам прокуратуры субъекта РФ	4,90	3,93	-0,97
14	Работникам избирательной комиссии субъекта РФ	4,14	3,20	-0,94
15	Главе органа местного самоуправления	3,61	3,20	-0,41
16	Депутатам органа местного самоуправления	3,28	3,08	-0,20
17	Сотрудникам полиции РФ	4,04	4,08	+0,04
18	Сотрудникам ФСБ РФ	5,68	5,22	-0,46
19	Армии и военным	6,14	5,91	-0,23
20	Представителям общественных организаций	4,25	3,83	-0,42
21	Членам Общественной палаты РФ	3,99	3,49	-0,50
22	Членам Общественной палаты субъекта РФ	3,79	3,65	-0,14
23	Церкви и религиозным служителям	4,45	4,55	+0,10
24	Ученым, работникам культуры и образования	5,80	5,74	-0,06
25	Врачам и работникам здравоохранения	5,61	5,12	-0,49

Являясь структурами ближе всего расположенными к населению, местное самоуправление ограничено экономически, находится в положении бедного и, следовательно, бесправного – *pauper ubique jacet*. Вертикально организованные отношения, воспроизводя систему неформальных практик, подвергают ОМСУ функциональным перегрузкам, перекалывают на них наиболее затратные функции, нарушая субсидиарный подход в разграничении полномочий и их финансово-экономическом обеспечении [29]. Политическая зависимость ОМСУ от региональных «учреждений» ведет к пессимистическим оценкам их экономического положения, которые подтверждаются анализом ряда экономических показателей городских муниципальных образований в экспериментальном регионе (табл. 2 и табл. 3).

Таблица 2

Объем долга городских муниципальных образований и муниципальных образований Амурской области в целом (руб.)¹

Городские муниципальные образования	01.01.2013	01.01.2014	01.01.2015	01.01.2016	01.01.2017
Благовещенск	678 881,00	891 630,00	1 076 930,00	1 076 930,00	1 076 930,00
Белогорск	135 000,00	181 036,00	204 034,00	225 821,00	221 321,00
Зея	18 000,00	44 904,00	51 054,00	49 504,00	46 704,00
Райчихинск	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Свободный	58 617,60	123 788,00	171 671,20	165 696,54	197 313,24
Тында	51 400,00	50 500,00	45 830,00	45 743,00	20 649,00
Шимановск	27 145,00	31 192,00	31 192,00	28 024,00	27 775,00
Муниципальные образования в целом	1 127 607,37	1 518 087,47	1 754 524,66	1 733 833,79	1 731 302,06

Таблица 3

Дефицит / профицит бюджета городских муниципальных образований и муниципальных образований Амурской области в целом (руб.)²

Городские муниципальные образования	01.01.2014	01.01.2015	01.01.2016
Благовещенск	866 229 150,31	-1 428 106 602,35	-509 770 139,39
Белогорск	82 408 790,91	25 110 975,83	-220 423 744,12
Зея	-114 301 517,15	6 731 596,29	-4 310 090,28
Райчихинск	-237 318,75	35 795 644,58	-29 725 063,14
Свободный	141 325 862,13	-216 173 910,68	-1 456 533,57
Тында	18 519 125,32	-18 255 640,64	-17 118 434,81
Шимановск	15 127 365,36	8 168 305,25	-27 860 372,89
Муниципальные образования в целом	2 077 624 261,99	-2 470 011 020,72	-715 995 840,67

¹ Подготовлено по данным, размещенным на официальном сайте Министерства финансов Амурской области «Долговые обязательства муниципальных образований области» [9].

² Подготовлено по данным, размещенным на официальном сайте Министерства финансов Амурской области «Информация об исполнении местных бюджетов» [12]. На 30.03.2017 информация об исполнении местных бюджетов на 01.01.2017 не размещена.

Представленные данные коррелируют с данными К. Д. Николенко, представленными на заседании дискуссионного клуба «Спасский Холм» (г. Владимир, 14.05.2016) [22]. Бюджетная обеспеченность в сельских поселениях более катастрофическая [16].

Реальное политическое и экономическое положение ОМСУ в России ведет к антиконституционным заявлениям о необходимости их наделения «государственным» статусом, фактически нуллифицирующим их общественную природу [2, с. 21]. Вместе с тем, мала вероятность того, что конституционно-правовое «огосударствление» органов местного самоуправления найдет практическое воплощение, так как, во-первых, вступает в противоречие с нормами международного законодательства, а Российскому «государству» важно поддерживать баланс с международным сообществом, даже несмотря на проведение антизападной политики; во-вторых, перекладывает на близкие суверен-государству институты «гражданского общества» ответственность за неэффективное функционирование моноцентризма, превращающая его в *verberetillus (aliquem verberetillum facere)*.

2. Политические партии

Процесс «вертикализации» политических отношений начала XXI века усилил субинституциональный статус *политических партий*, лишив их возможности брать под контроль законодательный и исполнительный органы «государственной власти» [17]. Оказавшись в условиях растущего влияния «государства» на все сферы социума, функционирования репрессивного партийного законодательства [14; 28] и маргинализации населения, партийные лидеры вынуждены апеллировать к верховному властителю [1], а партийные структуры – утрачивать собственную идентичность и заявлять о центризме [15, с. 128–129]. В итоге партии трансформировались в коррупционные структуры финансово-промышленных кланов и высшей бюрократии [26]. Даже «оппозиционные» КПРФ и ЛДПР изменили риторику и приступили к открытой декларации лояльности суверен-государству, что продемонстрировали инициативы лидеров «системной оппозиции» – введение «президентской квоты» при формировании СФ ФС РФ [5], отказ от поддержки акций «За честные выборы» в 2011–2012 гг.; «Крымский вопрос», осуждение антикоррупционных акций, прошедших более чем в 80 городах России 26 марта 2017 г. и др.

«Либерализация» партийного законодательства, последовавшая после акций внесистемной оппозиции и гражданских активистов «За честные выборы» 2011 г. не улучшила положения с институционализацией партийного элемента. В условиях полного контроля Кремлем экономической сферы российского социума частичная либерализация партийного законодательства привела, во-первых, к появлению большого числа экономически необеспеченных вождистских партийных структур, лидеры которых, находясь в состоянии конфликта друг с другом, закономерно усиливают позиции «партии-власти» [11, с. 9] – *duobus certantibus tertius gaudet*; во-вторых, обрекла «партии» на выстраивание клиентелистских отношений с АП РФ и «силовиками», превратив их в инструмент «государственного» управления и лишив возможности самостоятельно участвовать как в формировании партийных списков (естественно, это касается «сильных» политических партий), так и «нижней» палаты российского парламента [25].

3. Общественные объединения, не относящиеся к собственно политическим

В России исключительно общественные объединения, формируемые «сверху», а также партиисполеры имеют соответствующие ресурсы для дальнейшего развития, но не в качестве самостоятельных политических субъектов, обладающих возможностью влиять на принятие политических решений, а в качестве инструмента «государственного» управления, механизма продвижения решений Левиафана, в том числе и в области селекции «гражданского» элемента. Положение других объединений, если они не входят в качестве ассоциативных членов в прокремлевские структуры, неудовлетворительное.

Не входящие в президентский пул общественные организации не имеют поддержки со стороны «государства», испытывают недостаток в волонтерах, не имеют финансовой возможности организовать наем квалифицированных специалистов. Их работу можно назвать «вялотекущей», держащейся исключительно на вдохновителе-лидере объединения и зависящей от его финансовых возможностей¹.

¹ Автор данной работы являлся учредителем и руководителем ряда общественных объединений, включая Амурский социал-демократический союз, Амурскую региональную общественную организацию «Гражданская инициатива»; Амурскую региональную академию наук и образования и др. и достаточно информирован о состоянии общественных объединений в регионе.

В Докладе Общественной палаты РФ отмечается, что на практике 39 % НКО имеют только один источник получения средств, 27 % – два источника, 25 % – три-четыре, более пяти источников финансирования лишь у 7 % НКО. Среди более успешных НКО, принявших участие в опросе Агентства социальной информации, около 60 % организаций за последние три года имели в структуре финансирования 3–5 источников, у 12 % организаций их более пяти [8, с. 22].

Бюджеты большинства российских НКО держатся на четырех основных источниках: пожертвования частных лиц и организаций, членские взносы, субсидии органов власти и доходы от оказания услуг, выполнения работ. Членские взносы составляют примерно пятую часть поступлений (20,5 %) и не могут обеспечить финансовой устойчивости НКО. Многие общественные структуры не имеют юридического статуса, официального адреса, телефона, банковского счета [8, с. 22].

Российское «государство» и фонды не играют роли в финансовой поддержке российского неправительственного сектора. До недавнего времени важным источником финансирования являлись гранты международных иностранных фондов и ассоциаций, но после введения понятия «иностранный агент» многие организации были вынуждены отказаться от иностранной поддержки¹. Кроме того, российские общественные организации не имеют налоговых льгот, а их налогообложение осуществляется по общей схеме с коммерческими объединениями, что создает трудности в обеспечении их финансовой состоятельности. В тоже время в США налоговые льготы распространяются на 27 типов общественных организаций, занимающихся, например, вопросами образования, религиозного воспитания, благотворительности, научными исследованиями, изучением проблем общественной безопасности, культурой, искусством и спортом и т. п. При этом взносы от юридических и физических лиц, идущие на поддержку безналоговых направлений деятельности некоммерческих организаций, подлежат вычету из налоговой базы до определенных пределов. Для физических лиц это не более 50 % дохода (некоторые виды выплат – не более 30 % дохода), а для корпораций – не более 10 % дохода. Кроме того, выплаты и взносы частных доноров общественным организациям освобождены от налога на дарение [34]. Схожая практика льготного налогообложения существует в Канаде и других демократических странах, политический истеблишмент которых исходит из понимания важности «третьего сектора» в обеспечении устойчивости развития мозаичного социума и купировании негативной политической нестабильности.

4. Религиозные объединения

В особом политическом и экономическом положении находятся религиозные объединения: «традиционным» религиозным организациям оказывается всемерная поддержка; «нетрадиционные» – подвергаются политическому и экономическому давлению, вплоть до попыток запрета деятельности [3].

В рамках стремления «государства» усилить клерикализм системы признанным на территории России религиозным организациям, то есть «своим», предоставляются значительные льготы, которых лишены другие общественные объединения [32, с. 353–374].

Российское «государство» активно оказывает прямую и косвенную поддержку РПЦ и другим православным религиозным объединениям, а также ряду исламских организаций. Если в случае поддержки РПЦ речь в первую очередь идет о передаче в собственность или в долгосрочную аренду православной церкви зданий, сооружений, культурных объектов и ценностей, то во втором – о государственной финансовой поддержке исламской науки, культуры и образования с помощью различных фондов, прямо связанных с «государством» [31]. Кроме того, по решению Министерства образования и науки России были определены пять государственных вузов, на которые возложили обязанность оказания научно-методической, организаторской, информационно-технической помощи пяти исламским центрам в рамках установленного государственного финансирования.

Подрывая принцип равенства религиозных объединений, «государство» способствует формированию интолерантной религиозной среды. Религиозные «монополисты», опираясь на авторитет и другие ресурсы суверен-государства, начинают выходить в своей деятельности за правовые рамки. Демонстрация привилегированного положения «традиционных» религиозных объединений проявляется, например, в свободной продаже книг, содержащих элементы разжигания межрелигиозной роз-

¹ Поправки в Закон вызвали резкую критику в мировом сообществе [19–21].

ни и пропаганды религиозного превосходства. «Конечно, самой возвышенной и облагораживающей религией является Христианство со своим учением, – пишется в свободно распространяющейся в церковных лавках РПЦ брошюре «Где истинная церковь? Сведения о ересях и сектах», – <...> только Православная Церковь непрерывно восходит к Церкви первых веков. <...> Читая сведения о многочисленных сектах и религиозных течениях (в книге указывается более 20 “сект” к которым авторы причисляют и антирелигиозные группы. – Е. Т.), невольно задаешься вопросом: почему же так много их в современном мире? Почему именно сегодня люди стали так падки на все духовно нездоровое и очевидно ложное? Среди них (представителей “сект” – Е. Т.) много психически больных и просто неуравновешенных людей...» [6, с. 59–61].

Конфликтная среда зреет и в самих «традиционных» религиозных объединениях, имеющих сложную внутрикorporативную структуру и объединяющих группы с различными интересами; выходит за пределы конфессий, распространяясь на отношения с населением и «государством». Опуская вопрос загадочной смерти Патриарха Всея Руси Алексия II, обратим внимание на то, что в Челябинской области представитель Духовного управления мусульман азиатской части России Сале-ха Абдель Рахмана Гази, обвиненный в разжигании межнациональной и межрелигиозной розни [4], обратился в суд с иском к председателю Комитета по взаимодействию с религиозными и национально-культурными объединениями – беспрецедентный случай, когда представитель мусульман выразил претензии к представителю органа «государственной» власти. Параллельно, «взаимодействии» муфтиятов с «государством» привело к радикализации и к использованию первыми сомнительных с морально-нравственной позиции способов политической борьбы – от сбора и распространения ложных слухов, раздачи специальной литературы и листовок до подготовки заказных материалов в прессе и прямых провокаций [7]. В течение 2010 г. между структурами РПЦ и населением произошло не менее 10 имущественных конфликтов, включая конфликты в Москве, Подмосковье, Рязани, Екатеринбурге, Ульяновске, Челябинске, Калининградской и Псковской областях [10].

Политически установленный в России процесс воспроизводства религиозных объединений, порождающий клерикализацию социума в рамках «традиционных» религиозных доктрин [27], концептуально расходится с процессами, идущими в развитых демократических странах. В условиях сокращения в сознании населения цивилизованных стран сверхъестественного, стремление Российского «государства» сохранить моноцентризм российской политики и национальную идентичность на основе «традиционных» религий стратегически ошибочно. Селекция религиозных общественных объединений в рамках «традиционных» политико-религиозных ценностей ведет не только к формированию религиозного изоляционизма, дауншифтерства и интолерантности, реанимирует религиозно-патримониальные практики, но и способствует нарушению баланса интересов «государства», личности и религиозных объединений; препятствует плодотворному сотрудничеству народа России с народами других стран.

5. Профсоюзы

Профсоюзные объединения продолжают выполнять роль придатка «государства» и «второй школы коммунизма». Данная ситуация объясняется стремлением профсоюзных лидеров сохранить за собой собственность ВЦСПС, принадлежавшую профсоюзам РСФСР, которая, по некоторым данным, достигает 6 млрд дол. США [23]. В настоящее время структуры ФНПР – организации, объединяющей абсолютное большинство профсоюзов России, превращены в подразделения администраций властных и хозяйственных центров, а их «лидеры» используют административную ренту в собственных интересах, проявляя всемерную лояльность суверену [18; 33]. Параллельно дискредитации подвергаются альтернативные профсоюзы, в социуме формируется мнение об их ненужности и вреде для стабильного развития системы [24].

Купирование конкурентного пространства в *профсоюзной среде* и зависимость профсоюзов от «государства» ведет к недоинституционализации юридических практик их взаимоотношений с «государством»¹, нарушению прав как самих профсоюзов, так и росту зависимости работников от работодателей.

¹ Достаточно заметить, что в стране до сих пор не существует ни административной, ни уголовной ответственности за нарушение прав профессиональных союзов.

В ряде случаев данная ситуация приводит к радикализации профсоюзов. Не исключено, что именно в профсоюзной среде может возникнуть очаг напряжения, так как протесты в области трудовых отношений для россиян являются наиболее актуальными и сложно разрешимыми для «государства» [13].

Вывод. Процессы централизации в современной России направлены на сохранение *monozentric stato* с помощью подавления «*civil society*» и воспроизводство неопатримониальных практик в системе «государство» – общество».

Состояние «*civil society*» в России следует оценивать как неудовлетворительное, *de facto* лишшающее ОМСУ и другие «институты гражданского общества» субъектности. Недоинституционализация «*civil society*» достигается как политическим, так и экономическим инструментарием, превращая рассматриваемых политических акторов в инструмент проводимой «государством» политики. Принцип лояльности, лежащий в основе селекции «институтов гражданского общества», приводит к: а) искажению природы общественных структур и превращению их в сателлитов «государства»; б) росту конфликтного пространства в системах «*civil society*» и «общественные объединения – население».

Конфликт между онтогенетической сущностью общественных объединений и их современным состоянием приводит к радикализации части общественного элемента, стимулируя общую неустойчивость политики. Вместе с тем, радикализация «*civil society*», не поглощенного *stato*, оставляет за первыми ограниченный выбор между усилением сервильности или субъектности. Усиление субъектности связано с большими издержками для гражданских субъектов, в то время как усиление зависимости от «государства» не обнаруживает четких перспектив их институционального развития.

Источники и литература

1. Анашвили В. В. Демократия в современном мире. Случай России (оценка состояния и перспектив политической системы Российской Федерации в 2008 – начале 2009 года. Первый ежегодный доклад Института Общественного проектирования) [Электронный ресурс] / В. В. Анашвили. – М. : ИНОП, 2009. – Режим доступа : http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/5170-demokratiya-v-sovremennom-mire-sluchaj-rossii.html.
2. Берг О. В. Совершенствование взаимодействия государственной власти и местного самоуправления в России / О. В. Берг // Государственная власть и местное самоуправление. – 2003. – № 5. – С. 17–21.
3. В Верховный суд РФ подан иск о ликвидации Управленческого центра Свидетелей Иеговы в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.jw-russia.org/news/17031610-104.html>
4. Ваххабизм пришел на Урал? // Возрождение Урала. – 2000. – № 4 (126).
5. Владимир Жириновский и Геннадий Зюганов готовятся к политической пенсии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://com-stol.ru/?p=13983>
6. Где истинная церковь? Сведения о ересьях и сектах. – Свято-Успенская Почаевская Лавра, 2001. – 64 с.
7. Гуляева М. Государственная поддержка традиционного ислама как важный фактор профилактики экстремизма и терроризма в исламской среде: на примере Челябинской области [Электронный ресурс] / М. Гуляева. – Режим доступа : <http://muslem.ru/государственная-поддержка-традицион/>
8. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2013 год. – М. : Общественная палата Российской Федерации, 2013. – 132 с.
9. Долговые обязательства муниципальных образований области [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.fin.amurobl.ru/finansovye-vzaimootnosheniya-s-munitsipalnymi-obrazovaniyami/monitoring-mestnykh-byudzhetrov/dolgovyie-obyazatelstva-munitsipalnykh-obrazovaniy-oblasti/>
10. Имущественные конфликты с РПЦ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ru-antireligion.livejournal.com/5112204.html>
11. Иноземцев В. Л. Перспективы развития России в новом политическом цикле / В. Л. Иноземцев // ПОЛИС: политические исследования. – 2012. – № 3. – С. 7–18.
12. Информация об исполнении местных бюджетов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.fin.amurobl.ru/finansovye-vzaimootnosheniya-s-munitsipalnymi-obrazovaniyami/pasporta-byudzhetrov/>
13. Комин М. Не там ищут: откуда ждать новой революции в России [Электронный ресурс] / М. Комин. – Режим доступа : <http://www.forbes.ru/mneniya/protesty/323807-ne-tam-ishchut-otkuda-zhdat-novoi-revoljutsii-v-rossii>
14. Кынев А. В. Партии как институциональный контрафакт [Электронный ресурс] / А. В. Кынев. – Режим доступа : http://slon.ru/russia/partii_kak_institucionalnyy_kontrafakt-202113.xhtml

15. Мелешкин И. Г. Идеологический фактор в современной российской партийной системе / И. Г. Мелешкин // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. Серия : Общественные и гуманитарные науки. – 2008. – № 49. – С. 127–132.
16. На Алтае депутаты подали в отставку от безысходности [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://nian.9111.ru/topic.php?topic=220732>
17. Политическая система России после путинских реформ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://polit.ru/article/2005/01/27/polit_system/
18. Прежде всего... [Электронный ресурс] // Профсоюзная жизнь. – 2010. – № 2. – 11 февр. – Режим доступа : <http://www.trud.org/1/9699.html>
19. Реформы в России должны укреплять права человека в системе правосудия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.coe.int/t/commissioner/News/2013/130411Russiaendofvisit_ru.asp
20. Россия: ухудшение условий работы неправительственных организаций и правозащитников неприемлемо [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=13323&LangID=R>
21. «Российский законопроект о некоммерческих организациях приведет к негативным последствиям для гражданского общества», – считают эксперты ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=12344&LangID=R>
22. «Спасский Холм» о реформе местного самоуправления [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://youtu.be/JL_Ez5FSNR4
23. Сперанский А. Профсоюзная вертикаль [Электронный ресурс] / А. Сперанский. – Режим доступа : <http://www.ikd.ru/node/10419>
24. Сперанский В. Профсоюзы на распутье или в тупике? [Электронный ресурс] / В. Сперанский. – Режим доступа : <http://www.spravedlivo-online.ru/diskus/prof/speran.php>
25. Список «пенсионеров» нравится не всем [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kommersant.ru/Doc/3035530>
26. Трофимов Е. А. Коррупция: партийное измерение / Е. А. Трофимов // Социально-гуманитарные и юридические науки: современные тренды в изменяющемся мире : сб. материалов II Междунар. заоч. науч.-практ. конф. (6 июня 2011 г.). – Краснодар : [б. и.], 2011. – С. 139–143.
27. Трофимов Е. А. Особенности воспроизводства религиозных объединений в Российской Федерации (проблемно-праксиологический очерк) / Е. А. Трофимов // Религиоведение. – Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та, 2015. – № 2. – С. 118–124.
28. Трофимов Е. А. «Партизация» политической системы и российский конституционализм: политико-правовой очерк / Е. А. Трофимов // Социально-гуманитарные и юридические науки: современные тренды в изменяющемся мире : сб. материалов II Междунар. заоч. науч.-практ. конф. (6 июня 2011 г.). – Краснодар : [б. и.], 2011. – С. 143–148.
29. Трофимов Е. А. Принцип субсидиарности и эффективность российского федерализма / Е. А. Трофимов // Государство и право: теория и практика : материалы Междунар. заоч. науч. конф. (г. Челябинск, апр. 2011 г.) / под общ. ред. Г. Д. Ахметовой. – Челябинск : Два комсомольца, 2011. – С. 85–89.
30. Трофимов Е. А. Проблемы воспроизводства органов местного самоуправления в России: политический императив [Электронный ресурс] / Е. А. Трофимов // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2014. – № 4 (30). – С. 206–209. – Режим доступа : <http://edu.tltsu.ru/sites/site.php?s=3456&m=52084>
31. Фонд поддержки исламской культуры науки и образования : официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.islamfund.ru>
32. Шахов М. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации / М. Шахов. – Изд-во Сретенского монастыря, 2013. – 528 с.
33. Шмаков предложил оставить без пенсии 20 % россиян [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.opentown.org/news/145427/>
34. U. S. Code § 501 – Exemption from tax on corporations, certain trusts, etc. [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.law.cornell.edu/uscode/text/26/501>

Трофимов Євген. Стан «Civil society» в Росії: загальна оцінка в розрізі політичної суб'єктності (політичні й економічні аспекти). У статті розглядається стан «Civil society» в Росії. Мета дослідження полягає в оцінці суб'єктності «інститутів цивільного суспільства» в Росії як акторів політичної трансформації. Гіпотеза дослідження: у моноцентричних політиях інститути цивільного суспільства не володіють суб'єктністю, а їх функціонування підпорядковане інтересам суверена, через що вони не здатні виступати стимуля-

торами трансформаційного процесу. Цінність дослідження полягає в систематизації окремих фрагментів аналізу суб'єктності «Civil society» в Росії і має перспективу для подальшого вивчення у міру функціонування російської політії. Дослідження будується на принципі об'єктивності, що розходиться з прийнятим в Росії підходом до оцінки civil society. У дослідженні домінує неінституціональний підхід. При підготовці статті використовувалися діалектичний, логічний формально-правовий, соціологічний методи дослідження, а також метод статистичного аналізу. Гіпотезу підтверджено.

Ключові слова: моноцентризм, цивільне суспільство, місцева самоврядність, політичні партії, суспільні й релігійні об'єднання, недоінституціоналізація, сервільність.

Trofimov Yevgen. The State of “Civil Society” in Russia: the Overall Assessment in Terms of Political Subjectness (Political and Economic Aspects). The article examines the state of “civil society” in Russia. The aim of the study is to assess the subjectivity of “civil society institutions” in Russia as actors of political transformation. Research hypothesis: in monocentric polities, civil society institutions do not have subjectivity, and their functioning is subordinated to the interests of the sovereign, so they are not able to act as stimulators of the transformation process. The value of the research lies in the systematization of certain fragments of the analysis of the subjectivity of “civil society” in Russia and has a prospect for further study as the Russian policy proceeds. The research is based on the principle of objectivity, which is at variance with the approach adopted in Russia to the evaluation of civil society. The research is dominated by a neo-institutional approach. In preparing the article, dialectical, logical formal-legal, sociological research methods were used, as well as the method of statistical analysis. The hypothesis is confirmed.

Key words: monocentrism, civil society, local government, political parties, public and religious associations, non-institutionalization, servility.

Стаття поступила в редколлегию
23.01.2017 г.